

СОЦИАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Гумбатов Эльнур Акиф Оглы,
Санкт-Петербургский государственный университет, юридический факультет,
аспирант 3 курса кафедры теории и истории государства и права

SUMMARY

This article analyzes the social and legal basis of the rights and freedoms of the individual. The author emphasizes that the rights and freedoms of man and citizen are not arbitrary setting of the state, and a natural product of social development. They have a number of important social and legal prerequisites.

Keywords: law, freedom, social and legal reasons, the person, subject of the law.

***

Статья посвящена анализу социальных и юридических оснований прав и свобод человека. Автор подчеркивает, что права и свободы человека и гражданина представляют собой не произвольное установление государства, а закономерный продукт социального развития. Они имеют целый ряд важных социальных и юридических предпосылок.

Ключевые слова: права, свободы, социально-юридические основания, человек, субъект права.

Постановка проблемы. В современных условиях права и свободы человека и гражданина занимают важное место в системе правовых явлений, обеспечивая безусловный приоритет человеческой личности, ее интересов в обществе и государстве и создавая условия для реализации свободы индивида, автономии его воли и личной неприкосновенности.

Человек как носитель неотъемлемых и неотчуждаемых прав выступает в качестве основы социальной и политической организации общества, являясь той первичной клеточкой, совокупность которых в их сложных и многообразных взаимоотношениях и взаимодействиях образуют ткань, материю этого общества, которые, следовательно, может рассматриваться в качестве упорядоченного множества индивидов.

Сказанное со всей очевидностью проявило себя в эпоху Нового времени, когда, по признанию целого ряда как российских, так и зарубежных мыслителей, окончательно сформировалась человеческая индивидуальность как социальный и ментально-культурный феномен [1]. Не случайно именно в эту эпоху возникают права и свободы личности как её неотъемлемое свойство, не зависящее от признания или непризнания таковых государством [2], хотя отдельные попытки законодательного закрепления тех или иных свобод, имевших, как правило, сословный характер, предпринимались еще в Древнем и средневековом мире [3].

риала. Формирование системы основных прав и свобод человека и гражданина в праве Нового времени непосредственно совпадает с формированием в западноевропейской культуре феномена человеческой личности во всей полноте ее личностных качеств, предполагающих, в числе всего прочего, осознание индивидом комплекса жизненно важных потребностей и интересов, неразрывно присущих каждому конкретному человеку и вытекающих из его биосоциальной природы, духовной сущности, а также из положения, занимаемого человеком в политической системе и гражданском обществе. Иными словами, подлинным источником основных прав и свобод выступает не государство и даже не абстрактно понимаемые закономерности общественного развития, а сам человек во всей полноте его личностных характеристик и проявлений.

Указанное обстоятельство дает основание для признания этих прав и свобод субъективными правами, составляющими основу субъективными правами, причем особого рода [4]. В силу своей универсальности, общезначимости они образуют основу

Целью данной публикации является аргументирование идеи, что права и свободы человека и гражданина представляют собой не произвольное установление государства, а за-

кономерный продукт социального развития. Следовательно, они имеют целый ряд важных социальных и юридических предпосылок.

Изложение основного мате-

правового статуса личности, причем как общеюридического, так и целого ряда специальных статусов, выступая предпосылкой для наличия иных субъективных прав, возникающих в рамках конкретных правовых отношений. Принадлежит каждому обладателю от рождения, они, на наш взгляд, не зависят от признания или непризнания со стороны государства. Вместе с тем объективная логика функционирования механизма правового регулирования (и, в частности, необходимость в нормативной регламентации правовых отношений, складывающихся в обществе), в конечном счете, ведет к позитивации, то есть нормативному закреплению основных прав и свобод человека и гражданина [5].

Как и всякие иные субъективные права, основные права и свободы человека находятся в тесной взаимосвязи и «глубоком единстве с интересами» [6]. При этом хотелось бы отметить, что, применительно к основным правам и свободам, утрачивает свое значение и без того достаточно схоластичная и теоретически малопродуктивная дихотомия «юридических» vs. «законных» интересов, получившая распространение в отечественной правовой науке. А именно ряд теоретиков, различая законные интересы и юридические интересы, полагали, что первые находят свою реализацию в субъективных правах, складывающихся в рамках общих правоотношений, в то время как вторые реализуются в субъективных правах, формируемых в рамках конкретных правоотношений [7].

Логика подобного рода рассуждений представляется вполне очевидной и даже весьма последовательной в контексте позитивистского правопонимания (в его как этатистской, так и социологической версиях). В самом деле, осуществляя нормотворческую

деятельность, государство устанавливает лишь общую меру, или общий масштаб, дозволенного, запрещенного или обязательного поведения участников регулируемых общественных отношений, а это, в свою очередь, предполагает учет и закрепление в юридических нормах лишь наиболее значимых, с социальной точки зрения, наиболее стабильных интересов, которые впоследствии находят свою реализацию в субъективных правах, существующих в рамках общерегулятивных правоотношений: именно такие интересы и являются законными. Как отмечал С.С. Алексеев: «Управомоченному предоставляется мера дозволенного поведения для удовлетворения его интересов. И, хотя интерес не входит в содержание субъективного права, момент интереса необходим для самого существования этого права» [8].

В то же время конкретные интересы конкретной личности (а не абстрактного «субъекта права» или «члена общества») далеко не всегда поддаются законодательному учету и выражению, но также требуют своего юридического оформления в субъективных правах. Именно такие («юридические») интересы закрепляются в тех субъективных правах, которые реализуются в специальных правоотношениях, особенно гражданских, семейных и иных частноправовых.

Представляется, что сказанное не вполне применимо к тем интересам, которые закрепляются в основных правах и свободах человека. Ведь, с одной стороны, в силу своей всеобщности, они принадлежат вообще «человеку как таковому». Без их реализации само человеческое существование является немислимым, поскольку они обеспечивают его базовые условия, способствуя удовлетворению тех фундаментальных жизненных потребностей, о

которых шла речь выше. Поэтому такие интересы можно отнести к категории «законных».

Вместе с тем считать эти интересы «законными» было бы не совсем правильно, учитывая, что в своем словарном значении данный термин означает не только «согласующийся с законом» (что вполне справедливо), но и «основанный на законе» [9], что представляется сомнительным. Ведь, как мы видели, связанные с основными правами и свободами базовые интересы не столько основываются на законе, сколько сами выступают его основой. Закон, не считающийся с этими интересами и лежащими в их основе потребностями, обречен на нежизнеспособность, а общество, игнорирующее их, на нестабильность развития. Вот почему потребности и интересы человеческой личности, находящие свое выражение в основных правах и свободах можно считать подлинной первоосновой правового – а, в конечном счете, также и социального – бытия, его, если угодно, глубинным слоем. Эти потребности и интересы пронизывают собой весь комплекс правовых отношений, причем как общих, так и специальных, выступая первоисточником регулирующих эти отношения норм права.

Данный вывод является следствием другого, более общего, теоретического постулата, в соответствии с которым именно человек выступает подлинным творцом и носителем правовых качеств, а само право является средством максимально полного и бесконфликтного удовлетворения жизненных потребностей людей. Эта идея получила особенно широкое распространение в западной юриспруденции второй половины XX в., на которую значительное влияние оказали идеи феноменологической философии и экзистенциализма, которые (в противовес господствовавшему

ранее позитивизму) всячески акцентировали центральное положение, занимаемое человеком в социальной реальности [10].

Эти идеи нашли отклик у целого ряда теоретиков и философов права, рассматривавших в качестве субъекта прав (в том числе и основных прав и свобод) не абстрактную юридическую личность, а конкретное человеческое существо [11]. Согласно их мнению: «...человек не может быть “как таковым”, он – партнер и только в общении способен быть самим собой и осуществлять себя... Основное право индивида – в любом партнерстве рассматриваться не только в качестве партнера, в типичной социальной роли, но и в качестве личности, т.е. в своей “самости”. Это означает требование всеобщего признания того, что реализация человеческого бытия есть не только осуществление общности, но и действительность каждого человека “для себя”» [12].

Естественно, что человек, будучи существом социальным, получает максимально полное развитие именно в обществе, и было бы ошибкой рассматривать развитие и реализацию конкретной человеческой личности вне социального контекста. Представляется, что диалектика отношений, складывающихся между личностью и обществом, в том именно и состоит, что социальное целое, складываясь из индивидов и связей между ними, на более высоком качественном уровне воспроизводит, редуцирует индивидуальные качества, являясь своеобразной «коллективной личностью» (хотя термин этот, разумеется, следует употреблять со значительной долей осторожности).

С другой же стороны, и социальное целое рекурсивно определяет сущность образующих его индивидов, точно так же, как и само образуется ими [13]. Соот-

ветственно развитие общества обуславливает формирование новых потребностей его членов и, как следствие, появление целого ряда новых субъективных прав, а это, в свою очередь, является определяющим условием стабильного общественного развития. Сказанное с особой наглядностью проявляет себя в исторической динамике прав человека, отражающей расширение социально значимых потребностей и интересов человеческой личности, оказывающее воздействие на динамику общества и государства.

Последняя, в частности, выражается, в новых типах социально-политического общения, в рамках которых становится возможным появление новых прав и свобод, способствующих удовлетворению вновь возникающих потребностей и интересов. Результатом этой динамики, в конечном счете, становится, пользуясь терминологией французского социолога П. Бурдьё, *трансформация социального пространства*, его расширение, обусловленное появлением все новых полей, организующихся вокруг индивидов и их групп, наделенных соответствующими потребностями и интересами, юридически выражаемыми и закрепляемыми в виде основных прав и свобод [14]. Так, по словам социолога: «Социальное пространство – абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала; оно может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как средства и цели борьбы в различных полях» [15].

Так, с появлением в XVII – XVIII столетиях (сначала в теории, а затем и в законодательствах

различных стран) прав человека «первого поколения», т.е. естественных и политических прав, в тех странах, где они появились, завершается формирование политических сообществ граждан и возникает современное правовое демократическое государство [16]. Во второй половине XIX в., с возникновением прав и свобод «второго поколения» (социально-экономических прав), складывается гражданское общество и соответствующее ему социальное государство [17]. Наконец, появление в середине XX столетия прав человека «третьего поколения», получивших своё юридическое закрепление во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., стало мощнейшим импульсом к возникновению новых форм социальной и политической организации (таких, например, как Европейское экономическое сообщество – Евросоюз и т.п.).

«Характерно, – пишет Е.А. Лукашева, – что каждый этап развития общественных процессов выдвигал своё “поколение” прав человека, призванное преодолеть неустойчивость ситуации и стабилизировать развитие. Так, права человека “первого поколения” – политические и личные – были реакцией на авторитарный характер власти, вторгавшейся во все сферы жизни подданного, опутавшего его поведение тысячами правил, установлений, приказов, подавляющих инициативу и самостоятельность гражданина. Они ограничили власть государства и создали простор для проявления индивидуальности человека и свободы его выбора. Правовое государство, признающее устойчивость правового статуса индивида, его уверенности в предсказуемости действия властей, оказало влияние на все процессы развития. Однако практически полное отстранение государства от воздействия на экономические отношения породило... идею со-

циального государства, задача которого – обеспечение для всех прав «второго поколения» – экономических и социальных, призванных сохранить устойчивое развитие общества» [18].

Рассматриваемые процессы получили свое дальнейшее развитие в XX в., когда возникают «коллективные права “третьего поколения” – на мир, на развитие, на самоопределение, на здоровую окружающую среду и др. Современное международное право и права “третьего поколения” -- ответ на новый вызов исторического развития, когда войны приносят неисчислимы бедствия человечеству, разрушают устойчивое развитие и международного сообщества, и государства» [19].

Следовательно, свобода и благополучие общества напрямую зависят от свободы каждого из его членов, а значит, права человека следует рассматривать в качестве одного из наиболее важных факторов социального развития. Как справедливо отмечает в этой связи Е.А. Лукашева, «обеспечение прав человека – решающий компонент стратегии устойчивого развития. Игнорирование основных прав личности неизбежно ведет к дестабилизации общественной жизни, возрастанию социальной напряженности, непредсказуемым последствиям» [20]. Таким образом, права и свободы так называемого «третьего поколения» выступают основой международного правопорядка, точно также как права и свободы первых двух поколений являлись (и продолжают являться) основой правопорядков национальных. Более того, появление последнего поколения прав человека, на наш взгляд, повлекло за собой известное переосмысление прав и свобод старших поколений (в том числе и права на свободу передвижения), способствовав их углубленному доктринальному пониманию и более широкому

закреплению в законодательстве, а также применению в судебной практике.

Таким образом, поскольку права и свободы человека и гражданина способствуют реализации его важнейших жизненных потребностей (биосоциальных, политических, экономических, культурных и др.), то формирование системы гарантий реализации этих прав и свобод, с одной стороны, обеспечивает полноценное удовлетворение уже имеющихся потребностей, а с другой стороны, возможно, приведет к появлению новых потребностей, необходимых для перехода индивидов (а вслед за ними и общества в целом) на новую ступень исторического развития.

Вместе с тем, на наш взгляд, было бы неверно рассматривать человека просто как обезличенную социальную величину, обладающую набором «химически чистых» потребностей и интересов, реализуемых в различных сферах социального бытия, независимо от иных потребностей и интересов, присущих человеческой личности (наподобие миллешского *homo economicus*, руководствующегося в своем поведении исключительно соображениями экономической рациональности) [21].

На практике все они образуют сложный комплекс, элементы которого обуславливают друг друга, выступая равно необходимыми предпосылками свободного, гармоничного и всестороннего развития индивида в обществе себе подобных. Учитывая сказанное, становится очевидным, что все без исключения права и свободы человека и гражданина взаимосвязаны, в силу чего игнорирование в законодательстве и политической практике одних составляющих конституционно-правового статуса (например, политических прав) в интересах других (например, прав социаль-

ных или экономических) с неизбежностью приводит к умалению статуса личности в целом.

Данное обстоятельство неоднократно отмечалось в специальной литературе. Так, по словам С.А. Авакьяна: «Человек – это прежде всего индивид со своей жизнью, достоинством, естественными и духовными потребностями. Из таких людей с их сложным миром, бытием и складывается общество. Отсюда и само общество, и служащее его интересам государство призваны своей первейшей функцией считать заботу о человеке, создавать условия нормального существования, соблюдать пределы вмешательства в его частную жизнь» [22]. Таким образом, основные права и свободы человека, способствуя удовлетворению важнейших жизненных потребностей человека как биосоциального, политического, экономического и духовного существа, выступают необходимыми предпосылками его всестороннего и полноценного развития, тем самым способствуя прогрессивному развитию всего общества в целом [23].

Вместе с тем, рассматривая человека в качестве носителя основных прав и свобод как *конкретную* личность, обладающую набором *конкретных* жизненных потребностей и интересов, обеспечивать осуществление которых эти права и свободы призваны, мы не должны забывать и о том, что с этими конкретными проявлениями личностного начала в праве тесно связаны и абстрактные (формально-юридические) предпосылки, без которых говорить об участии лица в правовых отношениях было бы невозможным. Иными словами, человек как реальное биологическое или социальное существо и человек как субъект права являются, хотя и совпадающими, но далеко не во всем тождественными категориями.

Указанное обстоятельство со всей определенностью проявило себя еще в рабовладельческом античном обществе. Так, в частности, в Древнем Риме, где рабы, не являясь субъектами прав и будучи по своему положению приравнены к вещам (так называемым говорящим орудиям, или *instrumentum vocale* [24]), ставятся, согласно известному высказыванию К. Маркса, «в качестве неорганического условия производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или является придатком к земле» [25].

Однако рабовладельцы, относясь к рабу как к орудию, вовсе не отрицали его чисто человеческих, физических (и даже нравственно-психологических) качеств, от реализации которых напрямую зависели и производительность рабского труда и, как следствие, его экономическая эффективность. Не случайно в латинском языке слово *homo*, «человек», использовалось применительно как к рабам, так и к свободным людям [26]. Более того, в эпоху Римской империи, когда в результате прекращения завоевательной политики приток рабов в частные хозяйства резко сократился, а сам рабский труд становится все более дорогостоящим и нерентабельным, стали раздаваться голоса о необходимости гуманного обращения с рабами и даже уважения их человеческого достоинства (что, по мысли ряда философов и юристов, призвано было примирить рабов со своим положением) [27].

Так, уже в середине I в. н.э. Сенека, говоря о рабах, заключал: «Они рабы? Нет, люди. Они рабы? Нет, твои соседи по дому. Они рабы? Нет, твои смиренные друзья» [28]. Известно также, какое огромное значение придавал гуманному обращению с рабами в хорошо налаженном хозяйстве Плиний Младший,

активно воплощавший на практике те гуманистические идеи, которые Сенекой высказывались лишь в теории [29]. К середине III в. эти идеи проникают и в римскую юриспруденцию; так, Дигесты Юстиниана (D. 1. 5. 4. 1) сохранили для нас высказывание Флорентина, согласно которому: «Рабство есть установление права народов, в силу которого лицо подчинено чужому владению вопреки природе (*Servitus est constitutio iuris gentio, quia quis dominio alieno contra natura subicitur*)» [30].

Таким образом, уже в недрах рабовладельческого общества складываются известные предпосылки для формирования правовых взаимоотношений между господином и рабом, в котором раб выступает не только как вещь, но и как полноценная человеческая личность, обладающая в силу этого некоторыми правами, предполагающими признание со стороны господина (в частности, правом на гуманное обращение).

Более того, в римском праве классического периода появляются и первые признаки признания за рабом элементов правосубъектности, а именно делеспособности. Об этом свидетельствует, в частности, юридическая сила сделок, совершенных рабом, назначенных господином приказчиком в торговом предприятии (*institor*) или капитаном торгового судна (*nautus*), причем хозяин такого раба «отвечает по сделкам, относящимся согласно общепринятым взглядам к кругу деятельности данного приказчика и т.п. Например, если раб-приказчик закупил товар для предприятия и не расплатился за него, господин несет ответственность по *actio institoria*, в размере стоимости товара» [31].

Однако, несмотря на все вышеуказанные тенденции, проистекающие из активизации конкретно-личностного отноше-

ния к рабам в позднеантичном обществе, условий для формирования их правосубъектности как абстрактно-всеобщей предпосылки для наличия субъективных прав в полной мере так и не появилось. Именно поэтому требование гуманного отношения к рабам в классическом и постклассическом римском праве имело в большей степени моральный, а не юридический, характер и может быть сопоставлено с аналогичными требованиями гуманного отношения к животным, содержащееся в некоторых современных законодательных актах (например, в § 90а Германского гражданского уложения или в ст. 137 ГК РФ).

Иными словами, человеку, как конкретному носителю основных прав и свобод, с необходимостью предшествует и с ним тесно связан – как в логическом, так и в формально-юридическом смысле – человек как абстрактный правовой субъект. Осознание этого диалектического единства абстрактного и конкретного аспектов правовых явлений, на наш взгляд, было характерно для юридической науки в лице лучших ее представителей [32].

Такого мнения придерживался, в частности, И.А. Покровский, по словам которого: «...юридическая реальность есть вообще некоторая особая реальность: самый физический человек, превращаясь в юридического субъекта прав, утрачивает в значительной мере свою реальность естественную... В особенности в сфере имущественного оборота право мыслит людей прежде всего в качестве некоторых абстрактных центров хозяйственной жизни. Понятие субъекта прав, таким образом, есть вообще некоторое техническое, условное понятие, которое как таковое вполне применимо и к лицам юридическим» [33].

Выводы. Из всего сказанно-

го напрашивается следующий вывод, а именно права и свободы человека и гражданина представляют собой не произвольное установление государства, а закономерный продукт социального развития. Они, следовательно, имеют целый ряд важных социальных и юридических предпосылок. К числу социальных предпосылок, обуславливающих значение основных прав и свобод, относятся базовые биосоциальные, политические, социально-экономические и духовные потребности, присущие человеческой личности во всей полноте её проявлений. Находя своё преломление в сознании конкретного индивида на фоне определяющих его поведение в обществе конкретных жизненных обстоятельств [34], эти потребности трансформируются в интересы, юридически оформляемые в виде прав и свобод человека.

Вот почему мы полагаем, что носителем прав и свобод в социальном плане выступает конкретная личность, основу правового статуса которой эти права и свободы формируют. С другой стороны, необходимой юридической предпосылкой обладания правовым статусом выступает наличие абстрактной юридической личности, позволяющей субъекту быть носителем прав и обязанностей, т.е. правоспособность. Одновременно нельзя не отметить, что образуя фундамент правового статуса личности, основные права и свободы (в том числе право на свободу передвижения) в целом ряде отношений существенно отличаются от иных субъективных прав, которые входят в состав правового статуса, поскольку имеют не специальный – отраслевой, – а общеправовой характер.

Библиографические сноски:

1. См. подробнее: Вебер А. Третий или четвертый человек. О смысле исторического существования // Вебер А.

Избранное. Кризис европейской культуры. СПб., 1999; Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. Очерк о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М., 2000; Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб., 2002; Разуваев Н.В. Традиционное государство: Правовая природа, сущность и типология. СПб., 2008.

2. См.: Мамут Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. М., 1989. С. 67-70.

3. См., в частности: Права человека накануне XXI века. М., 1994. С. 271; Общая теория прав человека / Под ред. Е.А. Лукашевой. М., 1996. С. 6 и след.; История государства и права зарубежных стран / Под ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. Часть I. М., 1998. С. 21 и др.

4. См. об этом: Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 10 – 11.

5. О структуре механизма правового регулирования и её элементах см. подробнее: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в Советском государстве. М., 1966; Он же. Общая теория права. М., 2008. С. 267 и след.; Шабалин В.А. Системный анализ механизма правового регулирования // Советское государство и право. 1969. № 10. С. 124-125; Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10. С. 37-44; Он же. Право и социология. М., 1973. С. 69 и след.

6. Алексеев С.С. Общая теория права. С. 358.

7. Такой точки зрения придерживались, в частности, В.М. Чхиквадзе, Н.С. Маленн, Н.А. Шайкенов и ряд других авторов. См.: Чхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность. М., 1967; Маленн Н.С. Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 32; Шайкенов Н.А. Категория интереса в советском праве. Автореф. дисс. ... к. ю. н. Свердловск, 1980. С. 13-17.

8. Алексеев С.С. Общая теория права. С. 358.

9. См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 1988. С. 169.

10. См. подробнее: Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М., 1988.

11. См., в частности: Müller M. Die ontologische Problematik des Naturrechts // Die ontologische Begründung des Rechts. Bad Homburg, 1965. S. 463-484.

12. Четвернин В.А. Указ. соч. С. 74.

13. На что в свое время обратили внимание Г. Хакен и его последователи. См.:

Хакен Г. Принципы работы головного мозга: синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М., 2001. С. 16 и след.

14. См. об этом подробнее: Бурдьё П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2005. С. 53-54.

15. Там же.

16. О правовом государстве см. подробнее: Егоров В.Е. К вопросу о задачах гражданско-правового образования в построении правового государства // Юридический мир. 2007. № 4; Авдеев Д.А. Форма и содержание государства как политико-правовая гармония // Вестник Пермского университета. 2012. № 4; Ефремов И.А. Что нужно для того, чтобы Россия стала правовым государством // Законодательство и экономика, 2012. № 2; Баренбойм П.Д. Разграничение, конвергенция или замена доктрин правового государства и верховенства права? // Законодательство и экономика. 2013. № 4; Коллюшин Е.И. Российское государство: вопросы конституционно-правового и фактического статуса // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11.

17. Теоретическое осмысление категории гражданского общества предпринимал ещё в начале XIX в. Г.В. Гегель (см.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 227-228), однако из соответствующего раздела гегелевской «Философии права» явствует, что гражданское общество для Гегеля (так же, как и для Дж. Локка, впервые обратившегося к данной проблематике в своих трудах) представляет собой скорее умозрительную конструкцию, чем реально существующий социально-юридический феномен. Лишь в произведениях К. Маркса (см., например: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 219-368) гражданское общество получает свое конкретное социально-экономическое рассмотрение. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что именно к середине XIX столетия происходит его формирование.

18. Права человека как фактор устойчивого развития / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2000. С. 20-21.

19. Права человека как фактор устойчивого развития. С. 22.

20. Там же. С. IV.

21. См.: Mill J.S. On the Definition of Political Economy, and on the Method of Investigation Proper to It // Mill J.S. Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy. London, 1948.

22. Авакьян С.А. Конституционное право России. В 2 т. Изд. 4-е, перераб. и доп. Т. 1. М., 2010. С. 580.

23. О прогрессе как необходимом

факторе социальной эволюции и его антропологических предпосылках см. подробнее: Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003. ВС. 6-7.

24. См.: Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М., 2000. С. 46.

25. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1. С. 276.

26. Данное обстоятельство проявляется и в латинских юридических текстах. Так, Гай (II в. н.э.) в «Институциях» пишет: «Главное разделение в праве лиц состоит в том, что все люди – или свободные, или рабы (summa divisio de iure personarum haec est, quod omnes homines aut liberi sunt, aut servi)» (Гай. Институции. М., 1996. С. 20-21).

27. См.: Виппер Р.Ю. Моральная философия Авла Гелия // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 58-64.

28. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. М., 1986. С. 97.

29. См. подробнее об этом: Кузичин В.И. Хозяйство Плиния Младшего (Развитие латифундий и характер хозяйства крупного землевладельца в Италии в конце I в.н.э.) // Вестник древней истории. 1962. № 2. С. 27-55.

30. Дигесты Юстиниана. В 8 т. Т. 1. М., 2002. С. 116-117.

31. Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 54.

32. См. об этом, в частности: Денисов Ю.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л., 1987.

33. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 147. См. также: Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 4.

34. Представляется необходимым, что под «обстоятельствами» в данном случае мы понимаем не только типизированные юридические факты, но и те экзистенциальные обстоятельства, которые, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета напляют конкретным содержанием жизненный мир всякого индивида. См.: Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте» // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 113-151.

«ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» КАК ЧАСТЬ «ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ»

Т. ПЫНЗАРУ,

докторант Института правовых и политических исследований
Академии наук Молдовы

Р. СУЛТАНОВ,

докторант Института правовых и политических исследований
Академии наук Молдовы

SUMMARY

The article contains definitions of terms «e-democracy» and «e-government». These phenomena reveal the meaning of democracy in information society with its own unique features.

Key words: e-government, e-democracy, information society.

***

Статья представляет собой введение в системное определение терминов «электронная демократия» и «электронное правительство»; раскрывается суть демократии в информационном обществе, обладающей характерными специфическими чертами.

Ключевые слова: электронное правительство, электронная демократия, информационное общество.

Постановка проблемы. При определении степени зрелости любой национальной демократии одним из базовых показателей является уровень развития общественного диалога и проявления гражданского участия. Американский политолог Ральф Кэтчам, используя данный показатель в своей работе «Индивидуализм и общественная жизнь» [5], впервые предложил анализ различий между т.н. «экспрессивной» демократией и демократией развитого общественного диалога («интерактивной» демократией). Кэтчам утверждает, что при доминировании в политике экспрессивных форм содержание общественной жизни определяется лишь механической совокупностью разнообразных организаций и фракций, преследующих свои цели. При этом экспрессивная демократия признает необходимость предоставления людям возможности заявлять о своих интересах и участвовать в открытых выборах.

Такие характеристики, с одной стороны, типичны для незрелых и транзитивных политических систем, с другой стороны, могут свидетельствовать о системном кризисе развитой демократии. Напротив, демократия развитого гражданского диалога подчеркивает качество общественного взаимодействия и способствует созданию соответствующих условий для совместных гражданских действий, предпо-

лагает наличие у граждан чувства моральной ответственности за состояние общества, расширение возможностей отдельной личности. Таким образом, интерактивная демократия подразумевает взаимовыгодное интенсивное сотрудничество граждан и государственной власти и представляет собой труднодостижимый политический идеал, поэтому значение приобретает скорее возможность последовательного